

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

С. ТАРАКАНОВА, Л. ТЕРЕНТЬЕВА, Н. ЧЕБОКСАРОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

1

Вопросы происхождения и этнической истории народов СССР и соседних стран принадлежат к числу важнейших комплексных проблем, над которыми работают в настоящее время советские ученые различных специальностей — археологи, этнографы, антропологи, языковеды. Для истории народов Советской Прибалтики эти вопросы приобретают особую остроту, так как в период буржуазной диктатуры в Литве, Латвии и Эстонии реакционные ученые немало потрудились над тем, чтобы исказить процессы образования и дальнейшего развития прибалтийских народов, искусственно оторвать их от других народов Восточной Европы, в особенности от славян, свести формирование их самобытной культуры к ряду последовательных заимствований, шедших якобы почти исключительно с запада.

Для разработки проблем этногенеза народов Советской Прибалтики по данным этнографии и антропологии Институт этнографии АН СССР организовал в 1952 г. Балтийскую этнографо-антропологическую экспедицию, развернувшую при участии литовских, латышских и эстонских ученых большие полевые исследования во всех трех Прибалтийских республиках, а также в смежных районах РСФСР и БССР.

Научные результаты этих исследований частично уже опубликованы в «Трудах Института этнографии»¹, в отдельных статьях, напечатанных в журнале «Советская этнография», в «Известиях Академии наук Эстонской ССР» и в некоторых других изданиях. Параллельно с антропологическими и этнографическими работами в Прибалтике проводились также археологические исследования, осуществлявшиеся Институтом истории материальной культуры АН СССР и различными — преимущественно академическими — научными учреждениями Литвы, Латвии и Эстонии.

В целях лучшей координации, углубления и расширения всех исследований в области этногенеза и этнической истории народов Советской Прибалтики в начале 1955 г. Бюро Отделения исторических наук АН СССР приняло решение об организации Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, основной целью которой является всестороннее изучение вопросов происхождения прибалтийских народов, их этнической истории и культурных связей с соседними народами, в особенности с русскими и белорусами. В работах Прибалтийской экспедиции принимают участие Институт истории материальной культуры и Институт

¹ Новая серия, т. XXIII, М., 1954; т. XXXII (в печати).

этнографии АН СССР, Институт истории АН Литовской ССР, Институт истории и материальной культуры АН Латвийской ССР, Институт истории и Этнографический музей АН Эстонской ССР. Так как узловые проблемы этнической истории литовцев, латышей и эстонцев могут быть успешно разрешены только с учетом их хозяйственно-культурного взаимодействия с соседями, к участию в Прибалтийской экспедиции привлечены также Институт истории АН Белорусской ССР и Карело-Финский филиал АН СССР.

В области этнографии и антропологии работы Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, начавшиеся в 1955 г., представляют собой непосредственное продолжение исследований Балтийской этнографо-антропологической экспедиции Института этнографии АН СССР. Археологические работы, проводящиеся в настоящее время по единому плану объединенной экспедиции, также примыкают к исследованиям прошлых лет. На протяжении текущего пятилетия (1956—1960) полевые работы по археологии, этнографии и антропологии будут вестись во всех Прибалтийских республиках, а также в Карело-Финской ССР, Белоруссии и северо-западных областях РСФСР. Параллельно должны быть развернуты исследовательские работы в музеях и архивах. К изучению вопросов происхождения и этнической истории народов Советской Прибалтики предполагается привлечь языковедов и историков, работающих над письменными источниками (в особенности средневековыми).

Научные результаты работ Прибалтийской экспедиции будут публиковаться в серии ее Трудов. До 1960 г. предполагается подготовить к печати не менее шести томов Трудов (по 25—30 печ. листов в каждом), включая сводный итоговый том, в котором на основании данных различных дисциплин будет последовательно изложена этническая история народов Советской Прибалтики. Первый том этой серии подготовлен к печати: в нем помещена коллективная монография М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология Восточной Прибалтики», основанная на материалах, собранных в 1952—1955 г. В качестве особого раздела Трудов экспедиции должен рассматриваться и этнографический атлас Советской Прибалтики, работа по подготовке которого развернется в шестом пятилетии. Этнографические материалы Прибалтийской экспедиции будут также положены в основу историко-этнографических монографий «Литовцы», «Латыши» и «Эстонцы», которые предполагается подготовить к 20-летию воссоединения народов Прибалтики с СССР (1960). За эти же годы будет подготовлен ряд монографий по археологии.

В связи с развертыванием работ Прибалтийской экспедиции в мае 1955 г. в Вильнюсе была проведена научная конференция по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики. На конференции было заслушано 43 доклада по различным общим и частным вопросам археологии, этнографии и антропологии, связанным с проблемами происхождения и этнической истории прибалтийских народов. Был также обсужден и утвержден перспективный план работы экспедиции на все пятилетие. В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Риги, Таллина, Тарту, Минска, Петрозаводска и других городов (всего свыше 50 человек). Большинство докладов, зачитанных на конференции, намечено опубликовать во втором томе трудов экспедиции, подготовляемом к печати. Для руководства работами Прибалтийской экспедиции создан Совет экспедиции, в состав которого вошли представители всех участвующих в ней центральных и республиканских научных учреждений.

Изложение научных итогов работ Прибалтийской экспедиции целесообразно начать с антропологии, так как антропологическое изучение современного населения Литвы, Латвии и Эстонии в основном закончено

и уже подготовлен сводный труд по этнической антропологии Восточной Прибалтики в целом. Детальным антропологическим исследованием по единой программе в 1952—1954 гг. было охвачено 45 местных групп литовцев, латышей, эстонцев, куршей (на Куршской косе в Литовской ССР), ливов и соседних с ними русских, белорусов и ижорцев. Всего обследовано около 4,5 тысяч мужчин и свыше 900 женщин. Изучено также значительное количество черепов и костяков с территории Литвы, Латвии и Эстонии, относящихся к различным историческим эпохам — от мезолита до XVIII—XIX вв. н. э. В настоящее время Советская Прибалтика является одной из наиболее полно обследованных в антропологическом отношении частей СССР. Сравнимость новых антропологических данных по прибалтийским народам с соответствующими материалами по другим народам Советского Союза позволяет сделать ряд научных обобщений, имеющих большое значение для проблем этногенеза и этнической истории СССР и соседних стран.

Анализ географической изменчивости основных разграничительных антропологических признаков позволяет выделить в составе современного населения Прибалтики и смежных с ней районов по меньшей мере шесть антропологических типов. 1. Восточнобалтийский — светловолосый и светлоглазый, относительно грацильный, умеренно короткоголовый со средними абсолютными размерами головы и лица и средним ростом. 2. Западнобалтийский — тоже светловолосый (хотя и не столь резко, как предыдущий), светлоглазый, очень массивный, мезо- или суббрахикефальный, с крупными абсолютными размерами головы и лица и высоким ростом. 3. Скандинавский — по многим признакам близкий к предыдущему, но отличающийся от него большей степенью депигментации (особенно по волосам), более низким головным указателем, более узким и высоким лицом. 4. Ильменско-днепровский — относительно более темноволосый, умеренно светлоглазый, сравнительно грацильный, мезокефальный, со средними абсолютными размерами головы, тенденцией к узколицести и средней длиной тела. 5. Валдайский, отличающийся от предыдущего главным образом более высоким головным указателем. 6. Центральноевропейский — по окраске волос и радужины глаз, а также по степени массивности близкий к ильменско-днепровскому (и к валдайскому), но характеризующийся более крупными абсолютными размерами головы, сильной брахикефальней, широким и сравнительно невысоким лицом и средним ростом².

Все перечисленные типы относятся, без сомнения, к европеоидам. Однако восточнобалтийский и, в меньшей степени, центральноевропейский типы отличаются от остальных некоторой тенденцией к уменьшению степени извилистости волос, ослаблению третичного волосяного покрова, выступанию скул, уплощенности лица, более значительному развитию складки верхнего века. Такое направление различий указывает на то, что в формировании восточнобалтийского и центральноевропейского типов определенную роль могло играть смешение европеоидов (повидимому, всегда преобладавших в Прибалтике) с отдельными монголоидными элементами, проникавшими, по всей вероятности, с востока (из-за Урала). Среди европеоидов в Прибалтике главную роль играли, бесспор-

² См. о распространении этих типов в Прибалтике: М. В. Витов, Антропологические типы современного населения Прибалтики, Тезисы докладов на Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии), М., 1953, стр. 12—15; Н. Н. Чебоксаров, Основные проблемы этнической истории Советской Прибалтики, там же (пленарные заседания), стр. 5—11; его же, Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, нов. серия, XXIII, М., 1954, стр. 13—35. В процессе работы Прибалтийской экспедиции выделены конкретные антропологические типы среди народов Прибалтики, естественно, уточнялось и углублялось. Первоначально были выделены восточнобалтийский, западнобалтийский и ильменско-днепровский типы; в результате работ 1954—1955 гг. удалось констатировать также наличие других типов — скандинавского, валдайского и центрально-европейского.

но, резко депигментированные варианты, представленные восточнобалтийским, западнобалтийским и скандинавским типами. Определенное значение в истории антропологического состава населения Прибалтики имели, однако, и более темные варианты европеоидов — ильменско-днепровский, валдайский и центральноевропейский, — по своему происхождению связанные, вероятно, с Причерноморьем, бассейном Дуная и Средней Европой.

Восточнобалтийский тип распространен среди всех народов Советской Прибалтики, но наивысшей концентрации он достигает у ижорцев и восточных эстонцев, особенно у сету, а также у латышей крайнего северо-востока Латгалии. Тип этот связывает прибалтийские народы с другими народами северной половины Европейской части СССР, в особенности с вепсами, карелами, коми, а также с соседним русским населением. Западнобалтийский тип в пределах интересующей нас территории прослеживается главным образом у северных и западных эстонцев (в частности, на островах Сааремаа и Кихну), у ливов Дундагского района Латвийской ССР, у латышей Курземе, Земгале и западных районов Видземе. В Литве он встречается гораздо реже, преимущественно на севере и северо-западе (в Жемайтии). Ближайшие параллели этому типу прослеживаются среди населения стран, прилегающих к южным, западным и северо-восточным берегам Балтийского моря (юго-западная Финляндия, Аландские острова, северная Польша и северо-восточная Германия, Дания, восточная Швеция). Скандинавский тип (преобладающий в Норвегии и Швеции) для прибалтийских народов не характерен; примесь его наиболее вероятна в некоторых северных и западных группах эстонцев (Кейла, Пярну), где она может быть связана с исторически зафиксированным смешением со шведами.

Ильменско-днепровский тип распространен в пределах Советской Прибалтики в виде заметной примеси к другим типам преимущественно среди литовцев, особенно на юго-востоке их расселения (Дзукья), а также среди соседних белорусов. Умеренно депигментированные мезокефальные европеоидные элементы, морфологически во многом сходные с ильменско-днепровскими, входят также, по видимому, в состав западных латышей (особенно в районах Вентспилса и Лиепай) и даже отдельных групп эстонцев (Вилянди). Элементы эти связывают народы Прибалтики с населением средней полосы Восточной Европы, прежде всего с восточными и западными славянами (русские, белорусы, поляки, может быть, также полабско-прибалтийские славяне — «венды» немецких средневековых источников). Валдайский тип — генетически, вероятно, родственник ильменско-днепровскому, — среди собственно прибалтийских народов отмечен лишь на восточных рубежах их расселения (Латгалия, Аукштайтя), где он, надо думать, непосредственно связан с процессом их смешения с соседним русским населением. Наконец, центральноевропейский тип на востоке Прибалтики наиболее характерен для литовцев центральных и юго-западных районов Литовской ССР, в особенности для коренного населения Занеманья (Суваикии) и территории в низовьях Немана, до первой мировой войны входившей в состав Германии (Малая Литва). Преобладает этот тип также среди куршей Куршской косы, в значительной степени онемеченных или смешавшихся с немцами. Ареал распространения центральноевропейского типа простирается далеко на запад вплоть до южной Германии и Чехословакии.

Данные по этнической антропологии современного населения Советской Прибалтики хорошо согласуются с археологическими и палеоантропологическими материалами с той же территории³. Комплексный ана-

³ Палеоантропологические материалы по Прибалтике, собранные, обработанные и проанализированные главным образом К. Ю. Марк, частично опубликованы в ее работах: *Paleoantropoloogilistest uurimistest Eesti NSV-s*. «Известия АН Эстонской ССР», вып. 4, 1953, стр. 505—521; Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР,

лиз этих данных позволяет, в частности, установить два пути первоначального заселения Прибалтики людьми в период мезолита (VIII—V тысячелетия до н. э.): южный (из бассейнов Вислы и Днепра) и восточный (из-за Урала через лесную полосу Восточной Европы).

Первым путем на север продвигались массивные, большей частью долихокранные европеоиды «протоевропейского» облика (по терминологии Г. Ф. Дебеца) — древнейшие исходные формы образования западнобалтийского типа. Именно к ним относятся мезолитические черепа, найденные на юге Литвы — в Кирсна (Кальварийский район) и в Кебеляй (Прекульский район). Расовая принадлежность древнейших насельников Прибалтики, продвигавшихся по второму — восточному — пути, нам пока неизвестна; допустимо предположение, что среди них могли быть монголоидные элементы, примесь которых прослеживается в составе мезолитического населения Средней Европы (черепа с берегов Притцерберского озера в Бранденбурге и из Пляу в Мекленбурге). Законна также постановка вопроса о близости неизвестных нам языков первоначальных южных насельников Прибалтики к древнейшим («палеоевропейским») языкам Европы, а языков восточных насельников — к древнейшим («палеоазиатским») языкам Сибири.

Археологические и палеоантропологические материалы, относящиеся к неолиту (IV—II тысячелетия до н. э.), показывают, что в это время в Прибалтику как с востока, так и с юга проникают волны новых насельников. Восточное — волго-камское или приуральское — происхождение имели охотничье-рыболовецкие племена III—II тысячелетий до н. э., оставившие на территории Эстонии и Латвии (а частично и Литвы) памятники с ямочно-зубчатой керамикой. В расовом отношении племена эти были уже смешанными: в их состав входили как европеидные (большей частью длинноголовые), так и монголоидные (повидимому, более короткоголовые) компоненты.

Значительная уплощенность лица, слабое выступание носа и некоторые другие монголоидные особенности, явно свидетельствующие об азиатском происхождении, резко выражены на неолитических черепах из Турлойшкяйского торфяника на юге Литвы и из Валма на берегу оз. Выртсъярв в центральной Эстонии. На других прибалтийских черепах того же периода (например, из Тамула и Нарва-Рийгиюля на востоке Эстонии) особенности эти выявлены слабее. Очевидно, перед нами метисные формы, на основе которых позднее сложился столь распространенный в Прибалтике восточнобалтийский тип — европеоидный, но со следами древней монголоидной примеси.

В начале II тысячелетия до н. э. с юга по всей восточной Прибалтике — от теперешней Калининградской области до Финляндии — расселились племена скотоводов и земледельцев, не связанные генетически с более древним населением. Племена эти, оставившие памятники с боевыми топорами и шнуровой керамикой, антропологически принадлежали в массе к массивным, большей частью длинноголовым европеоидам (черепа из Кяо, Сопе, Арду, Карлова, Кунила и других неолитических могильников Эстонии).

Большинство советских археологов считает, что первую группу неолитических племен Прибалтики (охотничье-рыболовскую) составляли предки прибалтийско-финских народов — эстонцев, ливов, ижорцев, води; вторую (скотоводческо-земледельческую) — предки собственно «балтий-

«Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXIII, М., 1954; Палеоантропология Эстонской ССР, «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXII (в печати). Ср. также: Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики в свете новых антропологических и этнографических данных, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции» (цит. выше), стр. 3—12, и «Известия АН Эстонской ССР», вып. 4, 1953, стр. 494—504.

цев» — пруссов, литовцев и латышей. Палеоантропологические материалы, очевидно, хорошо подтверждают эту точку зрения. Вполне вероятно, что прибалтийско-финские (а может быть, и летто-литовские) племена поглотили более древнее мезолитическое население Прибалтики, языки которого могли сыграть роль субстрата в развитии прибалтийско-финских и летто-литовских языков.

В I тысячелетии до н. э. и в первых столетиях н. э. (бронзовый и железный века) в Прибалтике, по данным археологии, происходит своего рода «этническое размежевание»: в процессе взаимодействия прибалтийско-финских и летто-литовских племен к северу от Даугавы получает преобладание прибалтийско-финская речь, к югу от этой реки — летто-литовская. Повсеместно распространяются земледелие и скотоводство, получающие экономическое преобладание над охотой и рыболовством. К концу рассматриваемого периода отчетливо выделяются отдельные летто-литовские и прибалтийско-финские племенные группы. Антропологический материал этого времени очень скуден. Среди черепов из могильников с каменными ящиками Эстонии (VII—I вв. до н. э.) господствовал длинно- и высокоголовый, массивный и очень широколицый европеоидный тип, генетически непосредственно связанный с аналогичными типами более ранних периодов. На территории Литвы в первых веках н. э. преобладали, повидимому, близкие формы. Здесь встречаются, однако, также более узколицие и несколько грацилизованные европеоидные элементы, очень близкие к древнеславянским черепам Поднепровья и Повисленья. Возможно, что с юга в это время в Прибалтику проникали предшественники ильменско-днепровского (а также валдайского) типов, несомненно широко распространенных среди предков как восточных, так и западных славян.

Вторая половина I и начало II тысячелетия н. э. (до конца XII в.) были в Прибалтике периодом развития пашенного земледелия, раннефеодальных отношений и интенсивных хозяйственно-культурных связей с восточными и западными славянами, уже создавшими тогда свои государства (Киевская Русь, Польша). Анализ краниологических серий, относящихся к рассматриваемому времени, дает возможность выделить по меньшей мере три антропологических типа: западнобалтийский — массивный, длинноголовый и широколицый (западные эсты, земгалы, часть латгалов); ильменско-днепровский — менее массивный, длинноголовый и сравнительно узколиций (другая часть латгалов, соседние группы ильменских словен и кривичей); восточнобалтийский — не очень массивный, мезокранный, со средними размерами лица и некоторыми слабо выраженными монголоидными чертами (восточные эсты, воль). По общему морфологическому облику черепа латгалов оказываются очень близкими к черепам восточных славян Верхнего Поднепровья. Антропологические данные и в этом случае хорошо согласуются с археологическими и историческими, прямо свидетельствующими о славянизации части населения восточных районов Прибалтики.

В дальнейшей истории антропологического состава прибалтийских народов большую роль играли процессы смешения и изменения антропологических типов во времени — брахикефализации, грацилизации лицевого скелета и другие. Наиболее ярко процессы эти были выражены среди групп с преобладанием восточнобалтийского типа, который на протяжении средних веков становился в Прибалтике все более и более распространенным, проникая с востока на запад и постепенно замещая западнобалтийский тип, сохраняющийся главным образом среди прибрежно-материковых и островных групп эстонцев, ливов и латышей. Ильменско-днепровский и близкие к нему среднепигментированные мезокефальные типы удерживаются в виде примеси преимущественно среди литовцев (особенно в Дзукии, в непосредственном соседстве с белорусами) и в отдельных группах латышей Курземе (Лиепая, Вентспилс), где эти типы,

возможно, были связаны с западнославянскими вентами. Конкретная история центральноевропейского типа в Прибалтике наименее ясна; его распространение на юго-западе Литвы связано, повидимому, с высокими темпами брахикефализации населения этой области в средние века. Некоторую роль в этом процессе могло сыграть также смешение литовцев с поляками (Занеманье) и немцами (Малая Литва).

3

Переходим к характеристике основных научных итогов археологических исследований последних лет в Прибалтике и на соседних территориях. Некоторые из этих исследований по своему научному значению выходят далеко за пределы изучаемой области.

Если в предшествующие годы на основании случайных находок на территории Белоруссии можно было говорить лишь предположительно о существовании здесь людей эпохи среднего палеолита, то проведенные в 1953—1954 гг. К. М. Поликарповичем раскопки древнейшего поселения в урочище Колодежки, у деревни Подлужье Чечерского района Гомельской области, дали комплекс находок определенно мустьерского облика: желваки, типичные мустьерские отщепы и чешуйки, сколотые с дисковидных нуклеусов, пластины и пластинки с тех же нуклеусов, скребки и небольшие рубильца, а также кремни с типичной мустьерской обработкой. Эти находки были обнаружены в слоях древнеаллювиальных песков верхней надпойменной террасы реки Сожа. Открытое у деревни Подлужье мустьерское поселение является одним из наиболее северных памятников этого типа на территории Восточной Европы. Этот памятник дает основание для суждения о времени и путях первоначального заселения Прибалтики и смежных с ней территорий. Большой интерес представляют также исследования К. М. Поликарповичем стоянок мадленского возраста в Верхнем Поднпровье (Елисеевичи, Юдиново, Курово, Новые Бобовичи), давшие интересный инвентарь и остатки жилищ⁴. Разыскание памятников верхнего палеолита в северных областях БССР и на территории Литовской ССР является, несомненно, одной из очередных задач Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции.

Значительно пополнились наши сведения о мезолите Прибалтики на основании новых материалов из нижнего горизонта культурного слоя стоянки Эйгуляй в районе Каунаса, изучением которой в последнее время занимались Р. Яблонските-Римантене и Бернотайте. Здесь были обнаружены остатки жилищ мезолитической эпохи, найден кремневый инвентарь, огромное количество отщепов кремня, типичные мезолитические нуклеусы. Этот материал свидетельствует об имевшейся на стоянке мастерской по изготовлению кремневых изделий. Весь комплекс находок характерен для стоянок свидерского типа, относящихся к наиболее раннему периоду мезолита. В настоящее время мезолитическую стоянку Эйгуляй можно рассматривать как один из памятников первых обитателей Прибалтики⁵. Верхний горизонт стоянки Эйгуляй, как и стоянки Кунда на севере Эстонской ССР, относится к неолитической эпохе. Поэтому дальнейшее изучение такого рода памятников на территории Прибалтики приобретает особый интерес. Особенно хотелось бы отметить

⁴ К. М. Поликарпович, Археологические исследования в БССР в 1945—1954 гг., Тезисы докладов на Объединенной конференции... (пленарные заседания), стр. 18—19.

⁵ П. З. Куликаускас, Археологические исследования в Литве в 1951—1954 гг., Тезисы докладов на Объединенной конференции... (пленарные заседания), стр. 15—17; Р. Яблонските, Мезолит Литвы, «Краткие сообщения ИИМК» (в дальнейшем цит. КСИИМК), вып. 42, 1952, стр. 42.

необходимость изучения древнейшего поселения у озера Лубана (восточная Латвия), где имеются случайные находки вещей мезолитического и неолитического типов⁶.

Новые материалы для изучения древнейшей истории Прибалтики дали исследования неолитических стоянок и могильников той же эпохи в Эстонии⁷. Изучено девять неолитических поселений. Ценные материалы для определения относительной хронологии дали две стоянки — Акали и Кулламяги, расположенные на западном берегу Чудского озера у устья реки Эмайыги. Жизнь на этих поселениях протекала на протяжении почти всего неолита и бронзового века. Однако углубленное изучение памятников этой эпохи как на остальной территории Прибалтики и БССР, так в особенности на смежных с ними территориях РСФСР, разворачивается еще крайне медленно. Исследование в 1951—1953 гг. Н. Н. Гуриной неолитических поселений на левом берегу реки Нарвы⁸ и проведенное ею в 1955 г. обследование восточного побережья Псковского и Чудского озер и течения реки Великой являются лишь первыми попытками заполнить белое пятно на археологической карте памятников неолита и раннего металла северо-западных областей РСФСР. Совершенно недостаточно ведется работа по изучению памятников этих эпох на территории Латвии. Успешные исследования Л. В. Ванкиной (Центральный государственный исторический музей Латвийской ССР) торфяниковой стоянки в Сарнате являются пока единственным, что сделано в этом направлении⁹.

В задачу Прибалтийской экспедиции входит изучение локальных этнических групп населения III и II тысячелетий до н. э., выяснение характера их хозяйства и культуры, этнической принадлежности, связей с соседними племенами. С этой целью следует в отдельных случаях создавать отряды археологов-неолитчиков из представителей различных республик для изучения определенных районов. Совету экспедиции надлежит обсудить этот вопрос и наметить районы, требующие такого изучения в первую очередь.

Важнейшей задачей Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции является также разрешение проблемы формирования племен и народностей Прибалтики и смежных с ней территорий. Необходимо изучить племенные группы населения, обитавшие здесь в последние века до н. э. и первые века н. э.: их территорию, уровень социально-экономического и культурного развития, этническую принадлежность. Важно проследить взаимосвязи славяно-русского населения с народами Прибалтики в процессе их формирования. Успех выполнения этой задачи во многом будет зависеть от применения комплексных методов исследования с использованием археологического, этнографического, антропологического, лингвистического и другого материала.

В послевоенные годы появляется особый интерес к изучению памятников раннего и позднего железа на территории Прибалтики, БССР

⁶ А. Моора, Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики, КСИИМК, вып. 42, 1952, стр. 28.

⁷ Л. Ю. Янитс, Вопросы хронологии памятников позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 3—5; его же, Поздне-неолитические могильники в Эстонской ССР, КСИИМК, вып. 42, 1952, стр. 53—65; его же, Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР, КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 3—21; его же, Неолитические поселения на территории Эстонской ССР, Археологический сборник № 1 Института истории Академии наук Эстонской ССР, Таллин, 1955, стр. 176—201.

⁸ Н. Н. Гурина, Результаты работ Нарвской археологической экспедиции 1951—1953 гг., Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 9—11; ее же, Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии, Археологический сборник № 1 Института истории Академии наук Эстонской ССР, стр. 153—175.

⁹ Л. В. Ванкина, Стоянки II тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 6—8.

и северо-западных областей РСФСР. Изучаются не только погребальные памятники, но и древние поселения — городища. Так, А. Г. Митрофанов исследовал городища со штрихованной керамикой (III в. до н. э.—V в. н. э.) в средней Белоруссии, которые он связывает с летто-литовскими племенами, определяя границу их распространения на территории современной БССР¹⁰. На каждом городище жила, повидимому, большая патриархальная семья, члены которой занимались земледелием, скотоводством, рыболовством, охотой и домашними ремеслами. Типом жилищ на этих городищах были большие наземные дома столбовой конструкции, разделенные на несколько помещений.

Интересное городище было изучено П. З. Куликаускасом в г. Неменчине (восточная Литва); нижний горизонт культурного слоя этого городища содержит штрихованную керамику. Обнаруженные здесь материалы свидетельствуют о том, что, начиная с первых веков н. э., древне-литовское население городища занималось земледелием, скотоводством, обработкой металлов и различными домашними промыслами. Позднее на Неменчинском городище возникает литовский город Неменчине¹¹. Заслуживает внимания и городище Мигонис, в районе Каунаса, изученное Р. К. Куликаускене, также давшее штрихованную керамику наряду с керамикой с шероховатой поверхностью. Литовскими археологами в зоне строительства Каунасской ГЭС и в Занеманье проведена большая работа по выявлению древних городищ, которые хронологически делятся на несколько групп. Интересный материал для изучения истории латгалов дают раскопки городищ Асоте (Э. Д. Шноре) и Кентескалнс (А. Я. Стубавс) на территории Латвийской ССР¹².

Успешно изучаются городища раннего и позднего железного века на территории Эстонской ССР¹³. Среди древнейших укрепленных поселений Эстонии наибольший интерес представляют городища Асва (о-в Сааремаа) и Иру (близ Таллина), раскопки которых в течение многих лет производит А. К. Вассар. Материалы из раскопок этих городищ свидетельствуют о том, что население их было знакомо с земледелием еще во второй половине I тысячелетия до н. э. Обнаружен также богатый хозяйственный и бытовой инвентарь, изготовленный из металла, кости, камня и глины. Население жило большими патриархальными семьями. Городище Асва принадлежало тем же древнеэстонским племенам, которые оставили могильники с каменными ящиками, синхронные городищу¹⁴.

В 1955 г. М. Х. Шмидехельм закончила раскопки городища Рыуге в юго-восточной Эстонии. Поселение, датируемое VI—IX вв., представляло собой ремесленный поселок. Материалы раскопок свидетельствуют о тесных экономических и культурных связях местного населения того времени с соседними кривичами¹⁵. В средней Эстонии О. В. Саадре изучает городище Отепя («Медвежья голова» русских летописей), население которого, обитая на перекрестке торговых путей, имело длительные и тесные

¹⁰ А. Г. Митрофанов, Археологические памятники средней Белоруссии в эпоху раннего железа, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 21—22.

¹¹ П. З. Куликаускас, Археологические исследования Неменчинского городища в 1952—1954 гг., Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 23—25.

¹² Э. Д. Шноре, Поселения латгалов. Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 39—40; А. Я. Стубавс, Археологические раскопки на городище Кентескалнс в 1954 г., Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 15—17.

¹³ Х. А. Моора, О результатах исследования городищ в Эстонской ССР, Археологический сборник № 1 Института истории Академии наук Эстонской ССР, стр. 46—88.

¹⁴ А. К. Вассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа, Археологический сборник № 1 Института истории Академии наук Эстонской ССР, стр. 113—137.

¹⁵ М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники V—X вв. на юго-востоке Эстонии, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 33—35.

связи с Великим Новгородом и древним Псковом¹⁶. Исключительное значение для освещения феодального периода истории Эстонии имеют раскопки городищ — феодальных замков Дыхавере и Наану, произведенные Х. А. Моора¹⁷. Такого же рода памятник — городище Тервете в юго-западной Латвии — изучается Э. П. Бривкальне¹⁸.

Древние городища юго-восточной Прибалтики на территории Калининградской области изучались Ф. Д. Гуревич. В Псковской области раскопки двух городищ — Псковского и Камно, начальный период существования которых относится к рубежу и первым векам н. э., производились С. А. Таракановой. Оба городища являлись славянскими поселениями. Отдельные находки вещей прибалтийских типов на этих городищах характеризуют связи их населения с племенами Прибалтики¹⁹. В 1955 г. С. А. Таракановой в Себежском районе Великолукской области произведены раскопки городищ Себежского и Язбовского, датируемых концом I тысячелетия до н. э. — первыми веками н. э. Памятники эти также принадлежали славянскому населению. В верховьях Западной Двины древние городища изучались Я. В. Станкевич²⁰.

В числе памятников периода позднего железного века особого внимания заслуживают древние города. Изучением их в Белоруссии занимается В. Р. Тарасенко, раскапывающий древний Минск и городище «Шведская гора» в Гродненской области²¹. А. В. Алексеев изучает древний Браславль в Молодечненской области. Первые в истории города раскопки древнего Таллина были произведены в 1952—1953 гг. С. А. Таракановой и О. В. Саадре²². На основании материалов каменных могильников с оградками и городищ Койла и Клооди М. Х. Шмидхельм дала общую картину общественно-экономического развития племен северо-восточной Эстонии в период разложения родового строя²³.

Изучение восточнолитовских курганов позволило А. З. Таутовичусу сделать весьма важный вывод о том, что оставившие эти памятники племена составляли в I тысячелетии н. э. особую группу литовских племен²⁴. Последние исследования длинных и удлиненных курганов северо-западных областей РСФСР уточнили датировку этих памятников и выявили по их материалам ряд черт, характеризующих кривические племена в первой половине I тысячелетия н. э.²⁵

Несмотря на имеющиеся достижения в изучении памятников периода раннего и позднего железа приходится все же отметить, что работа в этом направлении должна быть значительно усилена. Древних городищ изучено еще мало. Если учесть, что в Эстонии, например, насчитывается

¹⁶ О. В. Саадре, Некоторые результаты раскопок городища Отепя, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 36—38.

¹⁷ Х. А. Моора, О результатах исследования городищ в Эстонской ССР, стр. 92—94.

¹⁸ Э. П. Бривкальне, Городище Тервете и его историческое значение, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 18—20.

¹⁹ С. А. Тараканова, Псковские городища, КСИИМК, вып. 62, 1955.

²⁰ Я. В. Станкевич, Исследование памятников первого тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины за 1949—1951 гг., КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 60—67.

²¹ В. Р. Тарасенко, Раскопки Минского замка в 1950 г., КСИИМК, вып. 44, 1952, стр. 125—135; его же, Раскопки 1954 г. на городище «Шведская гора» в Волковыске, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 41—42.

²² С. Тараканова, О. Саадре, Результаты археологических раскопок 1952—1953 гг. в Таллине. Археологический сборник № 1 Института истории Академии наук Эстонской ССР, стр. 7—45.

²³ М. Х. Шмидхельм, Археологические памятники северо-востока Эстонии периода разложения родового строя, Таллин, 1955.

²⁴ А. З. Таутовичус, Восточнолитовские курганы, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция археологии), стр. 26—29.

²⁵ С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы, «Советская археология», XIX, 1954, стр. 77—110; Е. А. Шмидт, Раскопки длинных курганов в Смоленской области, КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 147—152.

свыше 100 городищ, в Латвии — 350, а в Литве свыше 1000²⁶, то станет совершенно понятным, что эта работа находится лишь в начальной стадии. Особенно мало сделано по изучению древних городищ в соседних с Прибалтикой областях РСФСР, где необходимо провести широкие разведки по выявлению этих памятников. Очень слабо изучаются селища, даже те из них, которые находятся вблизи городищ. Неотложной задачей Прибалтийской экспедиции является исследование древних городов Прибалтики и БССР, что имеет особое значение при изучении периода распада первобытно-общинных отношений и образования классового общества у отдельных народов. Эту же цель должно преследовать и изучение городищ конца I и начала II тысячелетий н. э. Мы еще не имеем археологических карт, характеризующих распространение различных групп памятников, на что обратили внимание участники Вильнюсской конференции²⁷.

Систематический обмен опытом по методике полевых исследований должен являться органической частью всей работы Прибалтийской экспедиции. В ходе работ экспедиции необходимо периодически созывать совещания для взаимного обмена информацией о достигнутых результатах, обсуждения отдельных вопросов методики работы. Большим недостатком в полевых исследованиях следует признать изолированное в большинстве случаев изучение городищ и погребальных памятников, что иногда приводит к неправильным выводам об этнической принадлежности населения той или иной группы городищ. Случаи одновременного изучения городищ и окружающих их могильников еще крайне редки.

Предварительные итоги полевых работ 1955 г. — первого года работы Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции — убедительно показывают важность этого мероприятия и создают уверенность, что поставленные перед экспедицией задачи по разрешению важнейших проблем этнической истории народов Прибалтики будут успешно осуществлены.

4

В задачу работы этнографических отрядов Прибалтийской экспедиции входило проведение полевых исследований по основным элементам материальной культуры, в особенности по крестьянскому жилищу, традиционным земледельческим орудиям и одежде. Накопленный за истекшие годы полевой материал с учетом данных предшествующих исследований, а также литературных сведений позволяет сделать уже некоторые выводы, относящиеся главным образом к поздним этапам этнической истории латышей, литовцев и эстонцев. Анализ этих материалов свидетельствует, что следы древних локальных различий, выявленных на археологических и отчасти антропологических материалах, обнаруживаются у народов Восточной Прибалтики на протяжении всего феодального периода. Вполне отчетливо здесь выделяются три историко-этнографические подобласти: юго-восточная (Аукштайтя, Латгалия и отчасти соседние районы Земгале и Видземе), юго-западная (Занеманье, Жемайтя, Курземе, большая часть Земгале, запад Видземе) и северная (почти все Эстония и прилегающие к ней северные районы Видземе). Это не значит, конечно, что хозяйство и быт населения Прибалтики оставались неизменными; напротив, они все время изменялись и иногда даже довольно быстро. Однако само развитие многих элементов материальной культуры шло в силу определенных исторических причин (включая и степень устойчивости этнических традиций) по-разному на юго-востоке,

²⁶ Х. А. Моора, О результатах исследования городищ в Эстонской ССР, стр. 88.

²⁷ Х. А. Моора, Некоторые вопросы изучения славяно-прибалтийских культурных взаимоотношений, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (пленарные заседания), стр. 35—39.

юго-западе и севере Прибалтики²⁸. Наиболее четко это прослеживается по материалам народного зодчества²⁹. В настоящее время можно считать установленным для территории Восточной Прибалтики конца XVIII — начала XIX в. существование трех основных типов крестьянских жилищ³⁰:

1) **И з б а** (лит. «пиркя», лат. «истаба»), представлявшая собой двух-или трехкамерную срубную постройку, составными частями которой было жилое помещение с русской печью и холодные сени. К сеням часто пристраивался второй сруб — камора. Печь располагалась в углу при входе, устьем к боковой стене.

2) **Д о м** (лит. «нумас», лат. «намс»), представлявший собой обычно трехкамерную постройку с хлебной печью в жилом помещении и открытым очагом, расположенным в центральной части дома — в сенях. Печь была обращена устьем в сени и отличалась от печи в избе как по форме, так и по назначению (печь служила лишь для выпечки хлеба, приготовление пищи производилось на очаге). С течением времени помещение с очагом (нумас, намс) преобразовалось в своеобразную кухню-копильню, вариантами которой являлись «ровис» и «дижайс курстенис» у латышей, «каминас» у литовцев. Третьей составной частью дома была камора, со временем превратившаяся во второе жилое помещение.

3) **Ж и л а я р и г а** (эст. «рехетуба», или «рехетаре») — срубная постройка, представлявшая собой соединение жилища с хлебосушильной, к которой непосредственно примыкало крытое гумно («рехеалуе»).

Первый тип дома имел распространение в указанное время по всей восточной Литве (в Аукштайтии, включая Дзукию), в восточной Латвии (Латгале и часть Земгале), а также в восточных районах Эстонии (вдоль западного берега Чудского озера, к северу и к югу от него). Вторым типом характерен для северо-западной Литвы (Жемайтия), западной Латвии (Курземе и западная часть Земгале); вариантами его, повидимому, являются в Латвии дом с ровисом в юго-западной и центральной части Видземе и занеманский тип дома в Литве. Третий тип господствовал на территории Эстонии, а также северной и центральной части Латвии (Видземе).

Участниками Прибалтийской экспедиции прослежены границы распространения каждого из названных типов жилища и зафиксированы по-разному, где констатируются смешанные формы.

Пользуясь этнографическими материалами и привлекая археологические данные и сведения некоторых исторических источников, удастся частично восстановить ход развития охарактеризованных выше типов жилища. Это относится прежде всего к первым двум типам; вопрос о причинах возникновения и времени распространения третьего типа менее ясен.

В пределах настоящего сообщения мы ограничимся изложением материала с момента распространения на территории названных областей срубных построек. Сам переход от более примитивных жилищ (столбовых, плетневых и т. д.) к срубным протекал неоднородно, а со значительным опережением на юго-востоке Прибалтики. Первоначально срубное жилище (типа нумаса) представляло собой однокамерную постройку с открытым очагом. Дальнейшее его развитие в каждой из южных подобластей

²⁸ Н. Н. Чебоксаров, Основные итоги работ Прибалтийской этнографо-антропологической экспедиции 1954 г., Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1954 г., М., 1955, стр. 17—22; его же, Основные проблемы этнической истории Советской Прибалтики, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (плерарные заседания), стр. 5—11.

²⁹ Изучение жилища осуществляется в экспедиции коллективом научных работников в составе: А. Крастынь, А. Шульц (Латвия), В. Жиленас (Литва), Л. Терентьева, Н. Шлыгина (Москва).

³⁰ Л. Н. Терентьева, Основные итоги изучения крестьянских поселений и жилищ народов Прибалтики, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (плерарные заседания), стр. 27—32.

Прибалтики протекало различно. В юго-восточной подобласти на протяжении всего последующего хода развития основной жилой ячейкой оставалось это же помещение, но открытый очаг был заменен в нем духовой печью. В городище Асоте (юго-восточная Латвия) такие срубные жилища с духовыми печами отмечены уже в IX—X вв. н. э.³¹ Позднейшее развитие жилища в юго-восточной подобласти шло путем пристройки к этой основной жилой ячейке — избе — подсобных помещений: холодных сеней и каморы. Главное отличие в развитии жилища юго-западной подобласти состояло в том, что там помещение с открытым очагом (намс) превратилось со временем из жилого в подсобное — теплые сени, к которому по одну сторону стали пристраивать новое жилое помещение с духовой печью, обращенной устьем в намс, по другую — холодную камору.

В отношении жилой риги существуют противоречивые мнения. Некоторые буржуазные ученые (Кундзиньш, Лейнбок) выдвигали для объяснения происхождения жилой риги так называемую «теорию обнищания». Существо этой теории заключается в том, что возникновение жилой риги рассматривается как результат ограбления народов Прибалтики немецкими завоевателями. Эта точка зрения находит своих сторонников и среди некоторых советских исследователей. Не отрицая пагубных результатов завоевания немецкими захватчиками территории Прибалтики, несомненно, явившегося одной из причин длительного бытования жилой риги, мы все же не можем согласиться с предлагаемым этими исследователями решением вопроса о происхождении данного типа жилища. Сравнительно широкая территория распространения жилой риги, так же как и несомненная связь этого типа жилища с прибалтийско-финскими народами, позволяет считать, что мы имеем дело с явлением этнического порядка.

Значительный интерес представляют новые данные о местных типах земледельческих орудий³². Изучение их показало, что при наличии общности основных типов земледельческих орудий народов Прибалтики с орудиями населения всей лесной полосы Восточной Европы в деталях отдельных частей этих орудий удастся выявить специфические черты, характерные только для Прибалтики и имеющие свои различия в пределах каждой из названных историко-этнографических подобластей. Так, для северной подобласти можно считать характерными разнообразные формы однолемешного рала («сааремааский» и «ляанемааский» плуги), «коленчатую» борону, состоящую из нескольких самостоятельных звеньев, подвижно соединенных друг с другом, серп с гладким рабочим краем, палкообразное било или особого устройства цеп. Наиболее характерными орудиями юго-восточной подобласти являются различные варианты двухлемешной сохи, борона-суковатка, серп с зубчатым краем, цепи иного устройства. В зоне, переходной от юго-восточной подобласти к северной, распространена особая форма сохи — «соха с журавлями», а в зоне, переходной к юго-западной подобласти, — так называемая «полукоса», сходная с севернорусской горбушей. Старинные пахотные орудия юго-западной подобласти те же, что и в юго-восточной, — различные варианты двухлемешной сохи. На территории Литвы, к югу от Немана, распространена, в частности, соха с двумя полицами «полесского» типа. Архаичные типы борон здесь редки, давно уже преобладают рамные бороны. Для уборки урожая применяется коса с длинной прямой рукоятью³³.

³¹ Э. Д. Шноре, Поселения латгалов, стр. 39.

³² В разработке этой темы участвуют Т. Я. Зейдс, И. А. Лейнасаре (Латвия), Л. Х. Кивисаар (Эстония), П. В. Дундулене (Литва), Н. Н. Чебоксаров (Москва).

³³ Т. Я. Зейдс, Задачи изучения сельскохозяйственных орудий народов Прибалтики. Тезисы докладов на Объединенной конференции... (пленарные заседания), стр. 24—25; П. В. Дундулене, Пахотные орудия литовцев, там же (секция этнографии и антропологии), стр. 21—22; И. А. Лейнасаре, Старинные земледельческие орудия латышей, там же, стр. 23—26; Л. Х. Кивисаар, Старинные земледельческие орудия эстонцев, там же, стр. 27—30; Н. Н. Чебоксаров, Основные итоги работ Прибалтийской этнографо-антропологической экспедиции 1954 г., стр. 19—22.

Одним из ценнейших источников для решения вопросов этнической истории являются материалы по народной одежде. Неравномерность изученности народной одежды в Прибалтике не позволяет еще сделать обобщающих выводов по этногенезу народов восточной Прибалтики в целом. Однако приведенные работы по изучению эстонской и латышской одежды уже служат ярким дополнением к данным о жилище и земледельческих орудиях.

В этой связи заслуживает внимания работа эстонских и латвийских этнографов. Коллективом эстонских этнографов подготовлен к печати альбом по народной одежде³⁴. Ценность этого труда состоит в том, что авторы не только дали описание локальных типов одежды, но и впервые попытались сделать выводы, касающиеся этнической истории народа. Критикуя буржуазных этнографов, утверждавших, что местные особенности в одежде эстонцев представляют собой сравнительно позднее явление, возникшее в эпоху феодализма как следствие характерной для этого периода раздробленности территории Эстонии, советские этнографы убедительно показали, что эти особенности восходят своими корнями к весьма отдаленному прошлому и что в их основе лежат древние племенные различия. Эстонская народная одежда имеет в целом общий для всех народов Прибалтики облик, но вместе с тем в ней четко прослеживаются четыре большие местные группы — северная, южная, западная и островная³⁵. Одежда населения северной Эстонии в наименьшей степени сохранила древние элементы. Особенности одежды этой группы составляют своеобразная короткая кофта «кайсед» (буквально «рукава») и наличие на предметах одежды богатого растительного орнамента. Для южноэстонской одежды характерны старинное женское покрывало — «сыба», несшитая поясная женская одежда, украшения из бронзовых спиральных пронизок и пр. В отличие от северной Эстонии на юге господствовал геометрический орнамент. Западноэстонская одежда имеет много общих черт с одеждой первых двух групп, но содержит в себе также некоторые черты островной группы; отличительными ее чертами являются оригинальные женские головные уборы и тип орнамента. Наконец, одежда населения эстонских островов имеет ряд ярко выраженных особенностей: своеобразные женские головные уборы, поперечнополосатые юбки, лиф, стилизованный растительный орнамент и другие. В пределах этих групп намечаются еще более дробные подразделения. Проведенное эстонскими этнографами сопоставление материалов по эстонской одежде с данными о других элементах материальной культуры свидетельствует о значительных территориальных совпадениях. Важно отметить, что эти совпадения могут быть связаны также с распространением диалектов эстонского языка и с археологическими культурами первых веков н. э.

Ценным вкладом в разработку проблем этногенеза и этнической истории народов Советской Прибалтики являются также работы участников экспедиции молодых латышских этнографов М. К. Славы и А. З. Зарини. М. К. Славой в 1955 г. была подготовлена и защищена диссертация на соискание степени кандидата исторических наук на тему «Латышская женская одежда и ее орнаментация (XVIII—XX вв.)». А. З. Зариня в течение ряда лет проводит исследования по одежде древних латгалов³⁶. Подобно эстонским этнографам, М. К. Слава сделала попытку выделить локальные комплексы женской одежды. Наглядное представление о территориальном размещении некоторых из них дает составленная ею кар-

³⁴ В подготовке альбома участвовали А. Вольмаа, А. Х. Моора, Т. М. Пайвере, Л. Б. Тресс. Ответственный редактор альбома Х. А. Моора.

³⁵ А. Х. Моора, Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа по данным этнографии, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция этнографии и антропологии), стр. 41—43.

³⁶ А. З. Зариня, Материалы по одежде древних латгалов, Тезисы докладов на Объединенной конференции... (секция этнографии и антропологии), стр. 19—20.

та. Всего выделено 5 основных комплексов, условно названных видземским, латгальским, аугшземским, земгальским и курземским. Границы их распространения, как показало картографирование, совпали в основном с границами размещения племенных групп. Внутри этих комплексов автором выделены более дробные варианты, частично совпавшие с границами территориальных говоров латышского языка.

Большую ценность представляют исследования по одежде древних латгалов. Остатки одежды, обнаруженные в могильниках, позволяют восстановить в деталях мужскую и женскую одежду этой племенной группы VIII—XII вв. Материалы эти вместе с тем дают возможность определить как сходство в одежде латгалов и соседних эстов, ливов, так и ее ярко выраженную местную специфику.

Аналогичные этнографические подобласти могут быть выделены в Прибалтике и по ряду других элементов материальной культуры (например, по средствам передвижения, пище).

Таким образом, уже из краткого обзора данных о материальной культуре латышей, литовцев и эстонцев видно, что, рассматривая Прибалтику в целом в качестве одной из историко-этнографических областей Восточной Европы, следует выделить в ее пределах три территориальные подобласти. Границы между этими подобластями не совпадают ни с современными, ни с позднефеодальными этническими границами и отражают, в известной мере, более раннее размещение племенных групп населения Прибалтики, существовавшее до образования литовской, латышской и эстонской народностей.

Северная подобласть соответствует в целом зоне древнего расселения прибалтийско-финских племен эстов и ливов. Юго-восточная подобласть связана с племенами латгалов и аукштайтов (собственно литовцев), первоначально очень близкими между собой. Юго-западная подобласть охватывает зону расселения древних куршей, земгалов и жемайтов, также, повидимому, близкородственных между собой.

Мы не касаемся в настоящей статье вопросов о культурных связях латышей, литовцев и эстонцев с соседними народами, в частности с восточными и западными славянами, а на позднейших этапах этнической истории — с русскими, белорусами, поляками. Собранные экспедицией материалы по этим вопросам также представляют значительный научный интерес и позволяют по-новому осветить ход этнического развития народов Прибалтики. Перед этнографами — членами экспедиции — стоят задачи дальнейшего сбора полевых материалов, а также углубленного изучения архивных и музейных источников.